

На правах рукописи

АТСАНАВОНГ САЯНА ГРИГОРЬЕВНА

ЯЗЫК ПАМЯТНИКА «ЭРДЭНИЙН САН СУБАШИД»

Специальность 10 02.22 - языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

17 (15.11.2009)

Улан-Удэ – 2009

Работа выполнена на кафедре монголоведения «Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им Н Г Чернышевского»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Дугаржапова Татьяна Максаровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Хундаева Елизавета Очировна

кандидат филологических наук, доцент
Денисова Вера Витальевна

Ведущая организация: Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств

Защита диссертации состоится «02» октября 2009 г в 15⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 003 27 02 в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН по адресу 670047, Республика Бурятия, г Улан-Удэ, ул Сахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бурятского научного центра СО РАН (г Улан-Удэ, ул Сахьяновой, 6)

Автореферат разослан «01» сентября 2009 г

Ученый секретарь
диссертационного совета

Цыбикова Б-Х Б

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования В настоящее время наиболее изученными и разработанными жанрами бурятской литературы дореволюционного периода являются исторические хроники, летописи и родословные, тогда как исследование произведений, созданных под влиянием традиционных культур народов Центральной Азии, является проблемой, требующей всестороннего и кардинального решения. О необходимости детального изучения данного пласта литературы отмечал известный ученый О. Ковалевский еще в XIX веке¹. Тем не менее до настоящего времени исследование произведений «буддийского периода» практически не проводилось.

Изучение старописьменных памятников, обобщение результатов исследования представляется важным при работе над сравнительно-исторической грамматикой монгольских языков и изучении истории науки о языке. Всестороннее описание отдельных письменных памятников способствует воссозданию истории языка и выявлению черт, унаследованных современным языком. Лингвистический анализ памятников письменности также способствует расширению наших знаний о духовной культуре монгольских народов в прошлом. В свете данной проблемы изучение наиболее ценных произведений дореволюционного периода имеет большое научное значение.

Объектом исследования является оригинальный текст «Эрдэнийн сан субашид» в переводе Р. Номтоева.

Предметом анализа выступает язык данного произведения.

Целью настоящей работы является исследование лексико-грамматических и поэтико-стилистических особенностей языка старомонгольского памятника «Эрдэнийн сан субашид» в переводе Р. Номтоева. В соответствии с общей целью в работе ставятся следующие задачи:

- дать общую характеристику лексического состава памятника;
- выявить морфологические особенности языка памятника;
- исследовать синтаксическую организацию языка памятника,
- проанализировать художественное мастерство писателя в использовании речевых образных средств,
- определить роль и значение поэтического синтаксиса.

Материалом для исследования послужил ксилограф памятника «Эрдэнийн сан субашид», изданный Р. Номтоевым в XIX в. на старо-

¹ Ковалевский О. Улигер-ун далай // Ученые записки Императорского Казанского университета 1834. Т. 1-2.

монгольской письменности (Бурятский центр восточных рукописей ИМБТ СО РАН, инвентарный номер М III 1569)

Теоретическую основу диссертации составили труды отечественных лингвистов по исследованию языка старописьменных текстов разных периодов, которые имеют принципиальное значение для понимания сущности рассматриваемой проблемы и соответствуют ее интерпретации (Ц Б Цыдендамбаева, Д-Н Д Доржиева, Ш-Н.Р Цыденжапова, М.Н. Орловской, Л.Б Бадмаевой, Ю Д Бадмаевой, Ц О. Балсунаева). Работа основана на теоретических положениях исследователей в области монгольской грамматики; привлекались труды известных монголоведов – А А Бобровникова, Б Я Владимирцова, А Д Руднева, Н.Н. Поппе, Г.Д Санжеева, В И Рассадина, Г Ц Пюрбеева, Т.А. Бертагаева и др. Исследование проведено в русле лингвостилистики и лингвофольклористики (В.В. Виноградов, Б.В. Томашевский, Н.Д. Арутюнова, В П Григорьев, Ш. Балли, Л Д Шагдаров, Н.О. Шаракшинова, Д.Д. Санжина, Т.М. Дугаржапова, С С Бардаханова, Е.К Шаракшинова, Б.Д Цыренов, Л.И Буяхаева, В В Салькова) с опорой на фольклористические работы как современных ученых, так и их предшественников. Учитывался опыт известных исследователей в области бурятского стихосложения – А.М. Хамгашалова, Г О. Туденова, М.П Хамаганова, И А. Кима

Методологическая база исследования основывается на общих принципах современных лингвистических исследований. Ведущими методами явились описательно-аналитический метод, который применялся при непосредственном наблюдении над лексикой сочинения, структурно-семантический, а также сравнительно-исторический.

Примеры, цитируемые в работе, приводятся в традиционной научной транслитерации. Слитное и раздельное написание слов следует оригиналу. Аффиксы, написанные отдельно от слова, в транслитерации пишутся через дефис. Знаки препинания проставлены согласно тексту памятника

Научная новизна работы состоит в том, что впервые в монголоведении предпринято исследование старописьменного монгольского памятника XIX в «Эрдэнийн сан субашид» в переводе Р Номтоева с точки зрения лингвистики и лингвостилистики. В ходе исследования выявлены специфические особенности лексики, морфологии, синтаксической структуры памятника; изучены речевые образные средства и средства поэтического синтаксиса

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что конкретные ее результаты вносят определенный вклад в разработку проблем лингвистики и лингвостилистики старописьменных

текстов, расширяют представления о природе языка монгольских источников. Основные выводы диссертации могут найти применение при разработке спецкурсов по исторической лексикологии и морфологии, написании учебных пособий по лингвистике текста, в оптимизации преподавания старомонгольского языка в высших и средних учебных заведениях; могут быть полезными в лексикографической и переводческой практиках. Предпринятая транслитерация и перевод памятника могут послужить хорошим подспорьем для дальнейшего исследования сочинения с литературоведческой точки зрения, дадут возможность сравнить и сопоставить произведение с другими версиями памятника, а также решить вопросы теоретической текстологии монгольских источников.

Апробация работы. Отдельные положения диссертации обсуждались на международной научной конференции «Мир кочевой цивилизации. История и современность» (г. Чита, ЗабГГПУ, 2007), региональной конференции «Бурятский язык: история и современность» (п. Агинское, 2007), международной научно-практической конференции «Приграничное сотрудничество Россия, Китай, Монголия» (г. Чита, ЗабГГПУ, 2007), международной научной конференции «Этнокультурное и фольклорное наследие монгольских народов в контексте истории и современности» (г. Улан-Удэ, ИМБТ, 2007), региональной научно-практической конференции аспирантов, студентов и школьников «Филологическая культура и современный мир» (г. Чита, ЗабГГПУ, 2008); республиканской научно-практической конференции «Цыбиковские чтения-9», посвященной 135-летию со дня рождения проф. Г.Ц. Цыбикова и 100-летию академика А.П. Окладникова (г. Улан-Удэ, ИМБТ, 2008), межрегиональной научно-практической конференции «Филологическое образование в вузе и школе: традиции и перспективы» (г. Чита, ЗабГГПУ, 2008).

По теме исследования опубликовано 14 статей и тезисов, в том числе две статьи – в издании, рецензируемом ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка сокращений и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, указываются цель и задачи, теоретико-методологические основы исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, степень апробации результатов исследования и структура работы. Прослеживается история изучения памятника, рассматриваются его разные версии.

Первая глава «Лексико-грамматическое своеобразие языка памятника «Эрдэнийн сан субашид» посвящена характеристике лексических и грамматических особенностей памятника. Глава состоит из двух параграфов

В параграфе 1.1. «Лексические особенности» описаны лексические и фразеологические средства языка памятника. Анализ лексического состава памятника «Эрдэнийн сан субашид» показывает, что основу текстового материала составляют преимущественно нейтральные слова и выражения. Большую часть словарного состава сочинения составляют термины родства, соматизмы, цветообозначения и другие группы слов, которые образуют древнейший исконный пласт лексики. Они отличаются частотностью употребления, устойчивостью, разнообразием семантики и создают целостное представление о духовной и материальной культуре монгольских народов в прошлом. Таким образом, обзор основного лексического фонда исследуемого материала позволяет прийти к выводу, что он относится к общемонгольской лексике, большая часть которой отражена в современном литературном бурятском языке

Изучение памятника «Эрдэнийн сан субашид» (далее – «ЭС») открывает большой пласт архаичной и исторической лексики, ушедшей в пассивный запас словаря современного бурятского языка. Анализ устаревшей лексики показал, что многие многозначные слова образовали омонимы, иногда используются с сужением значения

Тесные контакты монгольских народов с соседними этносами привели к обогащению словарного состава иноязычными заимствованиями, часть которых проникла и в лексику памятника. В тексте наблюдается большое количество слов из санскрита и тибетского языка. Заимствования из этих языков относятся к терминам религии и ее атрибутам; обозначают понятия, связанные с космогонией и мифологией, называют драгоценности, растения. В сочинении иногда встречаются слова греческого, арабского, иранского, тюркского и китайского происхождения. Кроме того, обзор общей лексики памятника показал, что многие лексемы характерны только для бурятского языка: *setekep* 'незаметно, втихомолку' > совр. бур. *нэмээхэн* *id*, *sambaγ-a* 'подходящий момент, удобный случай' > совр. бур. *хамбаа* *id*, *kerbey-e* 'если, ежели, в случае' > совр. бур. *хэрбээ* *id*, *saγaγi* 'цыпки' > совр. бур. *наару* *id*., *bičiqan* 'маленький, небольшой' > совр. бур. *бишыхан* *id* и др.

Следует отметить, что в памятнике «ЭС» не были выявлены диалектизмы. Это объясняется тем, что Р. Номтоев (1821 – 1907 гг.) являлся выходцем из хоринских бурят, уроженцем села Эрхирик Заиграевского района. Как известно, хоринское наречие лежит в основе литера-

турного языка бурят, поэтому явных диалектизмов обнаружить в произведении не удалось

Анализ исследуемого материала также свидетельствует о том, что в сочинении отсутствуют русские заимствования, характерные для бурятских исторических летописей XVIII–XIX вв

Большой интерес представляет онимическая лексика, содержащаяся в памятнике «ЭС» В языке сочинения он представлен топонимами, антропонимами, мифонимами, теонимами, космонимами и зоонимами Состав именника чрезвычайно широк, нами выявлено около 300 антропонимов В тексте большое внимание уделено распространению буддийской религии. Упоминаются имена наиболее крупных исторических лиц, религиозных деятелей, таких как Нагарджуна (Нагајуна) – буддийский ученый, живший в Индии в I в н э Он считается первым распространителем махаяны Его основные 6 трактатов по философии включены в Данчжур Дхармакирти (Dharm-a Kirti bayši) (ок 580–650 гг или позднее) – индийский философ, логик и поэт, заложивший основы буддийской логики Цонкапа (boγda čuvaqfeba) (1357–1419 гг) – великий религиозный реформатор и основатель секты Гэлугпа (желтошапочников)

Упоминаются крупные тибетские ламы, которые сыграли важную роль в распространении буддизма Таковы имена Сакья-пандиты Гунга Жалцана (bivdidd γun γa-a rkial mjan) – автора «Субхашиты», Дагба Жалцана (Grays ba rkial mjan blat-a) – дяди и духовного учителя Сакья-пандиты

В «ЭС» освещаются имена монгольских императоров Хубилай-Сэцэн хана (Mongγul-un Qubilai čečen qaγan) и монгольского хана Годана (Govadan noγan)

При изложении биографии Сакья-пандиты бурятский переводчик перечисляет имена людей его земных перерождений Настоятели больших монастырей считались инкарнациями предыдущих лам, они также почитались и обожествлялись. Перечислено множество инкарнаций Сакья-пандиты Эти имена, как правило, являются тибетско-санскритскими по происхождению, по структуре – составными Манджушри Гирти (Manjušγity Girti), Абя Гара (Abhia Gar-a), Говас Хэлэмршэ (Govas Kelemurč), Ваджра Шри (Vajar šri), Сондом Шогланг (Sod nom šoy lang), Лубсан Дондуб (Lu sang don dub), Лубсан Шойжи Жалцан (Bavčin erdeni lu bsan šoi ji jal čan), Богдо Лобсан Балдан Еши Санбу (Pavčin boγdo lubsan baldan eši sanbu)

Наряду с реальными историческими лицами в тексте представлены многочисленные антропонимы, характеризующие имена богов и названия демонов буддийского пантеона (20 единиц)

Следует отметить, что в бурятской версии «Субхашиты» во многих случаях одни и те же имена встречаются в разных вариантах написания, что затрудняет чтение Saqrvalma qatun ‘Сахрувалма ханша’, Safruvalan qatun ‘Сафрувалан ханша’, Saqruvlam-a qatun ‘Сахрувлама ханша’.

В «ЭС» много личных имен, происхождение которых относится к санскритскому языку. Narabadi ‘Нарабади’ – др инд Нара – *мужчина, мудрец*, Бади – *шесть королей*, Dharma kirti ‘Дхарма Кирти’ – др инд Дхарма – *религия, путь к богу*, Кирти – *слава*, Nidki ‘Нидхи’ – др. инд *сокровище*; Ananda ‘Ананда’ – др. инд *блаженство*, Anirodqi ‘Аниродхи’ – др инд. *сотрудничество*, Kaudiniya ‘Каудинья’ – др инд *луна*; Viṣaya ‘Вишая’ – др инд *большой, широкий*,

Также много древнеиндийских имен, значение которых нам неизвестны Liṣiber ‘Лишибэр’, Bataala ‘Батала’, Mandula ‘Мандула’, Hoḍja Deva ‘Ходза Дэва’, Bavru birman ‘брахман Бавру’ и др

Антропонимы в тексте преимущественно двухкомпонентные Реже личные имена состоят из трех и более слов. Многокомпонентные имена обозначают богов буддийского пантеона

Некоторые антропонимы в сочинении поддаются этимологическому анализу, часто бывают мотивированы, носят описательный характер, те представляют собой имена-характеристики В образовании таких антропонимов в основном принимают участие суффиксы -tu/-tu. Maḡu jisu-tu ‘Непривлекательный’, Yeke ſike-tu ‘Большеухий’ и др

Личные имена персонажей могут указывать на род деятельности человека Ciḡaya otuṣi (букв *Чивага лекарь*), Sindi Bṡṡradī tuṣimel (букв *Синди Бигради сановник*), Samadī Raḡṡa qaḡan (букв. *Самадии Рагча хан*)

Имена героев в сочинении часто сопровождаются определениями-характеристиками Sayin Maḡata ‘Хорошая Магата’, Masī gegen qaḡan ‘Очень просветленный хан’, Teḡyebur birman ‘брахман-кормилец’

Многие герои в «ЭС» не имеют собственного имени и названы ikerḡin ‘пастух коров’, qaḡ-a keuken jaḡusa ‘букв *смуглая рабыня*’, arki qudalduyṡi екнер ‘торговка спиртным’, jaḡayu ‘молодой’.

В произведении наблюдаются многочисленные зоонимы Gegen yabudal-tu neretu toti – ‘попугай по имени Путь осветляющий’, Bulṡṡaya neretu niḡe menekei – ‘черепаха по имени Булирага’, erdeni-tu neretu qu-luḡuna – ‘мышь по имени Эрдэниту’ и др

Данный памятник примечателен тем, что в нем содержится значительный ономастический материал, касающийся территории Древней Индии Этимологию некоторых индийских топонимов, отраженных в памятнике, можно понять Вместе с тем многие онимы нам неизвест-

ны Enekeg-un emun-e jug-tur Baruda neretu balyasun ‘город под названием Баруда, находящийся на юге Индии’, Enekeg-un Udayani neretu orun ‘местность Удаяна в Индии’; Emüne jug-ün Bodrali keteke qota-dur ‘в южном городе Бодрали’, Madura neretu qota ‘город под названием Мадур’

В сочинении замечены многочисленные случаи употребления гидронима – названия водоема в Индии: Gangya müren – ‘река Ганга’. Зафиксированы макротопонимы, которые свидетельствуют о достаточно широких географических познаниях бурятского переводчика и довольно точно их отражении в старомонгольской передаче: Enekeg ‘Индия’, časutu Tubed ‘Снежный Тибет’, Mongyol ‘Монголия’, Balbu ‘Непал’ Manju ‘Манчжурия’, Kitad-un orun ‘Китай’, Siniyala ‘Цейлон’.

Особую группу составляют немногочисленные топонимы, которые представляют собой названия тибетских дацанов Da si lqun bo kiyd qural ‘Даши Лхунбоинг’ – наименование буддийского дацана в Тибете, Saska kiyd-un šeregen-e saγju – ‘воссев на трон монастыря Сакья’, Tubed-un orun-u dumda čang neretu orun – ‘местность Цанг в середине Тибета’

Наряду с реальными географическими объектами в сочинении имеются названия мест, которые дают представление о системе миров с точки зрения буддийской космологии (7 единиц)

Оронимы в тексте сопровождаются определениями-характеристиками. usun öngge-tu ayula ‘гора цвета воды’ vačar-un ayula ‘алмазная гора’ Кроме того, встречаются названия реальных географических объектов: časutu kvlaša ayula – ‘снежная гора Хвлаша’; časutu dasva ayula – ‘снежная гора Дасва’ и др

Анализ лексической структуры топонимов и антропонимов показал языковую неоднородность имен собственных. Этимология многих названий указывает на санскритскую языковую принадлежность, что является следствием заимствования «Субхашить» из произведений древнеиндийской литературы

Немалый интерес представляют фразеологизмы, которые наряду с другими языковыми единицами широко используются в «ЭС». Фразеологизмы, являясь органической частью лексической системы языка, придают сочинению неповторимое своеобразие и колорит. Они относятся к тем важнейшим выразительным средствам художественного текста, без исследования которых невозможно изучение языка и стиля писателя. В сочинении фразеологизмы тесно переплетены с образительно-выразительными средствами языка: метафорой, эпитетами, гиперболой и т.д.

В бурятоведении, как и вообще в монголистике, проблема дефиниции фразеологизмов все еще остается нерешенной. Ряд исследователей (Т.А Бертагаев, Ш -Н.Р. Цыденжапов, С Б Будаев и др) наряду с собственно фразеологическими оборотами во фразеологию включает поговорки, пословицы, афоризмы и пр , тогда как представители другого направления не относят их к фразеологическим единицам

На наш взгляд, предмет и объем фразеологии должны определяться в зависимости от понятийных признаков фразеологических оборотов. Мы придерживаемся мнения Ш -Н.Р Цыденжапова² и др относительно того, чтобы причислять к фразеологическим единицам «составные названия, описательные выражения, парные слова и изречения пословично-поговорочного типа, имеющие лексико-грамматический состав из двух и более слов и обладающие воспроизводимостью из памяти в готовом виде» [1971, с. 4] Совокупность подобных оборотов и составляет тот огромный фразеологический материал, содержащийся в дидактическом произведении «ЭС».

Анализ фразеологизмов в языке памятника с точки зрения приемов их употребления показывает, что предпочтение отдается фразеологическим единицам, состоящим из двух слов. Образование фразеологизмов на основе предложений в «ЭС» является менее продуктивным способом. Значительно меньшее количество фразеологизмов в сочинении образовано в результате аффиксации *turu-yi botugegci* 'правитель' (букв *созидающий государство*), *buγuγu nomtan* 'иноверцы' (букв *с неправильной книгой*) и др

Изучение фразеологических сочетаний позволяет наряду с выявлением употребительных возможностей этих единиц определить их стилистическую значимость

Субстантивные фразеологизмы замечены в значительно большем количестве, чем адъективные. Это один из наиболее характерных типов словосочетаний в языке «ЭС». Они используются вместо соответствующих лексических единиц при образном употреблении существительных *aldar nere* 'слава, имя', *tnγγi ejen* 'небесный владыка', *altan tonggɯn* 'драгоценные металлы' (букв *золото, серебро*), *uile-yin ur-e* 'плоды деяний', *buγaγ-u sadun* 'монах' (букв *родственник добродетели*)

Адъективные фразеологизмы занимают определенное место в образном строе субхашит и улигеров. Писатель пользуется ими при необходимости вызвать те или иные эмоции по отношению к происходящим событиям, дать оценку положительным или отрицательным об-

² Цыденжапов Ш-Н.Р. Фразеология старописьменного монгольского языка. Автореферат дис. канд. филол. наук. – Улан-Удэ: Изд-во АН СССР, 1971. – 19 с.

разам. Они используются в морально-этической и социальной характеристике героев, также выступают в составе сложных эпитетов, определяющих богов

В тексте используются фразеологизмы двух смысловых групп: временные наречные фразеологизмы и фразеологизмы, описывающие образ действия. Фразеологизмы, отражающие время, используются преимущественно в зачинах комментирующих рассказов *nige čay-tur* ‘в одно время’, *qoyna nige čay-tur* ‘в одно давнее время’, *erte čay-tur* ‘в давнее время’.

Для конкретного определения времени применяются более простые, общеупотребительные устойчивые обороты *paran singgeküi-dür* ‘когда пойдет солнце’ (букв. *когда утонет солнце*), *ur čayıqu-dür* ‘когда рассветет’ (букв. *когда забелеет рассвет*), *čay orgulı* ‘все время’ (букв. *время, постоянно*)

Наречные фразеологизмы, выражающие образ действия используются довольно редко: *nigul-iyer ololuy-a* ‘греховными [деяниями] обрел’, *ober-ün čidal-iyar yabunam* ‘хожу по своим возможностям’, *qayuraqu sedekil-iyer* ‘с лживыми намерениями’.

По количеству употребления глагольные фразеологизмы используются примерно в равной степени, что и субстантивные фразеологизмы. Они, как и глаголы, могут характеризовать движение, состояние, ситуацию. При их употреблении даже тончайшие смысловые оттенки наделяются силой художественной выразительности

В языке памятника «ЭС» наблюдаются фразеологизмы, которые ныне вошли в пассивный запас словаря: *degedü torul* ‘высокий род’, *albatu iŋgen* ‘служивый человек’, *qutuŋ-ı olqu* ‘обрести святость’, *buŋqan-u oŋun* ‘букв. *страна богов*’, *buyan-u ure* ‘плод благодеяния’

В сочинении можно выделить фразеологизмы, образованные сочетанием компонентов, заимствованных из разных языков. *pot šajın* ‘буддизм. букв. *книга, религия*’ (греч. + скр.), *sudır* *pot* ‘буддизм, букв. *сутра, книга*’ (скр + греч.); *buyan kilinče* ‘букв. *добродетельность, грех*’ (скр + уйг)

Богатое использование фразеологизмов помогло Р. Номтоеву глубже раскрыть идею произведения и в немалой степени передать национальный колорит

В параграфе 1.2. «Грамматические особенности» рассматриваются морфологические и синтаксические особенности языка памятника. Анализ морфологических форм имен и глаголов показывает, что парадигма склонения имен и изменения глаголов соблюдается бурятским писателем в соответствии с правилами старописьменного монгольского языка. Тем не менее, в грамматической структуре «ЭС» на-

блюдаются своеобразия в использовании показателей множественного числа, падежных показателей, глагольных форм. Рассмотрим грамматические особенности выражения множественного числа:

1) формант *-ud// -ud* употребляется в сочинении в некоторых случаях после основ имен на неустойчивый *-n* и на гласные. *inegen-ud* 'лисы' в м. *uneged*, *tere-üd-un* 'их' в м. *tere-nugüd-un*;

2) в языке памятника в основах с конечными *-sun* при наращении *-d* убирается только *-n*, а по правилам классического монгольского языка *-sun* должен выпадать полностью *dayisun - dayisud* 'враги' в м. *dayid*,

3) отмечены многочисленные случаи употребления форманта *-nuγud// -nugud* после основ имен, оканчивающихся на согласные (кроме *-n*). *edlel-nugud* 'вещи, имущество' в м. *edlel-ud*, *γayiqamšiy-nuγud* 'чудеса' в м. *γayiqamšiy-ud*, *erdem-nuγud* 'знания, учения' в м. *erdem-ud*, *joγus-nuγud* 'монеты' в м. *joγus-ud*,

4) наблюдаются согласования в числе определяемого и определения, отсутствующие в современном бурятском языке *tušimed noγad* 'начальники', *уекес qad* 'великих ханов';

5) зафиксировано употребление двойного суффикса множественного числа *uγayatan-nuγud* 'мудрецов', *pokud-nugud* 'друзья'.

В сочинении используются дополнительные показатели множественности *-mad, -čüd, -šüd*. Применение этих показателей, на наш взгляд, связано с влиянием разговорного языка бурят *ugačud* 'мастера', *sakγuļšud* 'почитатели', *aqamad kobegun* 'старший сын'

Общеизвестно, что падежные модели в монгольских языках независимо от того, какая часть речи склоняется и к какому числу она относится, подчиняются общим правилам, т. е. выбор варианта падежного суффикса зависит от конечного звука основы слова. Исследование «ЭС» свидетельствует о том, что отсутствует строгая закономерность присоединения показателей падежа к определенной основе, нередко некоторые основы присоединяют другие показатели падежа. Так, например

1) имена в родительном и винительном падеже могут присоединять суффикс *-i* *šrii gubdi-bar uγayaran bayuγu γal-ača torugsen-u* (в м. *torugsen-i*) *γayγayad burqan-i* (в м. *burqan-u*) *beledugsen debisker-tur jalaju sayuļγabai* 'Шригубди торопливо спустившись, Рожденного из огня вытащив, усадил его на постель, приготовленный богом';

2) отражено смешение разных показателей родительного падежа и непоследовательное употребление их при разных основах *γajar-yin* 'земли' в м. *γajar-un*, *merged-yin* 'мудрецов' в м. *merged-un*, *kul-yin*

‘ноги’ в м. kul-un, modun-un salaya ‘ветка дерева’ в м. modun-u salaya, bay-a-un ‘маленького’ в м. bay-a-yin, ayula-un ‘горы’ в м. ayula-yin, keriy-e-u ‘коршуна’ в м. keriy-e-yin, bide-u ‘нас’ в м. bide-yin;

3) зафиксирована непоследовательность в употреблении показателей винительного падежа. Например, после основ на согласные вместо форманта -i автором под влиянием разговорного языка используется формант -yi unegen-yi ‘лису’, teneg-yi ‘глупца’, kenggerег-yi ‘барабан’ и т.д. Иногда после основы на гласный можно встретить показатель -i uge-i в м. uge-yi ‘слово’, nigvana-i в м. nigvana-yi ‘нирвану’;

4) в сочинении в известной мере находило отражение живое про-изношение. Оно, прежде всего, сказывалось в более частом, чем в классическом монгольском языке, употреблении основы имен в значении винительного падежа qan kobegun-u qubcaun čimig togin abuγad yabuγu odabaи ‘удалился, забрав ханского сына одежду, украшения, лошадь’;

5) наблюдается пример, где вместо показателя орудного падежа -iyar//-iyer употребляется формант -bar//-ber jeyüden-ber ‘сном’

Показатели этого падежа довольно часто заменяют именительный падеж, при этом формант -bar//-ber присоединяется к конечным согласным,

б) обнаружены случаи присоединения формантов соединительного падежа к основам не по закону сингармонии burqan-luge ‘с богом’ в м. burqan-luy-a, bišige-luy-a ‘с Бишигой’ в м. bišige-luge, biden-luy-a ‘с нами’ в м. biden-luge, tan-luge ‘с вами’ в м. tan-luy-a,

7) показатель -ača//-eče при слитном написании нередко превращается -ča//-če. В сочинении часто употребляется словоформа tendeče ‘оттуда’

Анализ исследуемого материала свидетельствуют о том, что функциональные особенности употребления глагольных форм в языке памятника совпадают с таковыми старописьменного языка. Однако под влиянием живой разговорной речи писатель допустил существенные изменения в обозначении некоторых глагольных форм от традиционных канонов

В «ЭС» встречаются случаи отклонения в употреблении повелительно-желательных глаголов. Например, повелительная форма второго лица множественного числа в тексте используется с суффиксом -gtui//-γtui вместо классического -gtun (ср. совр. бур. -гты) burvi-bar ger-un ejen-e nadur ноуру-а kigtui kemebei ‘Бурви хозяину дома «Наложки мне зелени»’ – сказал.

Повелительно-желательная форма с суффиксом -tuyai//-tügei наблюдается не только в третьем, но и во втором лице, причем во множе-

ственном числе или со стилистической окраской почтительного обращения *baγši a γar-iyan qayırlaqu bogesu küi-iyen basa qayırlaqtuγai* 'А, учитель! Поскольку руки бережете, ноги тоже следует поберечь'

В языке памятника используются изъявительные формы, характерные для разговорного языка бурят. Например, изъявительная форма глагола настояще-будущего времени употребляется с суффиксом *-на* вместо классического *-müi, -nam taulai-bar / qudaduγ-un dergede abaγašiyad / edun-ü dotur-a bayına kemebei* 'Заяц, отведя его к колодцу «[Оно] находится внутри этого» - сказал

Причастия старописьменного языка по сравнению с другими глагольными формами несколько ближе стоят к причастиям разговорного бурятского языка. Различие в суффиксах причастий в основном сводится к фонетическим факторам. В «ЭС» употребляются все книжные формы причастий. Весьма знаменательно, что в сочинении нашли отражение бурятские формы. Например, причастие будущего времени употребляется с суффиксом *-qa* вместо классического *-qu, -qui' usunluγ-a uširabasu / yutul-ıyan tayılaqa jokistai bui j-a, / uširqa edui bayitala tayılaqu / kereg ugei metu bolai* 'Если в воду полезешь, надо снять обувь, а если не лезешь [в воду], нет надобности снимать [обувь]'

Причастие наступившего времени используется с суффиксом *-γaa* (ср. сов. бур. *-aa*) вместо классического *-γa jalayı komun-i γajar-ıyn dotura kojıgıun-eše degeγši γarγaju bulayaa* 'молодого человека закопал в землю до [уровня] шеи'

Однократное причастие в тексте употребляется с суффиксом *-γša* вместо классического *-γši*, что тоже соответствует бурятскому произношению *gürogesen-u segul-i üjegulju eljigen-u miq-a qudaldyuša metu bolai*: 'Это подобно [человеку], который, показав олений хвост, ослиным мясом торгует'

В старописьменном монгольском языке отсутствуют четыре причастные формы, которые весьма характерны для разговорного бурятского языка. Так, например, автор анализируемого текста употребляет причастие возможности с суффиксом *-mar* (ср. совр. бур. *-маар*), отсутствующий в классическом монгольском языке *arγ-a ugei elči teriguten-dur / jaruγdaqu kereg bolbasu qayıcin / ebduku terigüten-i üiledeki / alalbuqu γajar-a kürbesu qola-ača / dayudan demei suryamar bolqu* 'Если гонцы дело ему поручат, то он старые болезни вспоминать начинает. Оказавшись на службе, издавек отзывая, зря учить начинает'

Деепричастные формы современного бурятского языка по сравнению со старомонгольскими формами отличаются своим многообразием в количественном отношении. Писатель употребил почти все книжные

формы деепричастий, и в то же время не обошел разговорные. Так, например, в тексте соединительное деепричастие употребляется с суффиксом -ја вместо классического -ју. *nyyja ger-tegen / abayaçıyad bey-e-yı sun-ıyer / uyıyaju ilin arçın seguder / çajar-a sayulyan sayın idegen / qubçad teriguten-ıyer teıyegsen-ıyer / maqabud delgereju ulam / çou-a bol-bai* ‘спрятав, увез домой, [там] обмывая его тело молоком, обтирая, массируя, усаживая в тени, хорошей пищей и одеждой обеспечивал, от того стал он еще краше’

В произведении встречаются написания, где вместо окончания соединительного деепричастия -çu// -çu или -ju// -ju употребляется -çi или -ji, что тоже соответствует разговорному произношению (ср. совр. бур. -жа) *yeke em-ber qonın-a / maşı sayın edise ogbeçü emun-e inu / nigen çınu-a-uyın dorsu keju / talbiysan-ıyar tere qonı orgulji / aıdayсан tula ogeken ugeı / taryulbai* ‘Ехэ Эм хоть и отрадно кормил овцу, положил рядом с нею волчье чучело. Оттого, что та овца боялась, без жирка набрала вес’

Для изучения синтаксических особенностей сочинения важным является проблема делимитации и членения целого текста и его частей. В качестве знаков препинания в ксилографе применяются *dabqur çeg* – «удвоенные точки» и *dörbeljin çeg* – «четыре точки»

Dabqur çeg играет важную роль для понимания смысла предложения и имеет не только определенное синтаксическое значение, но и выражает интонационную связь между частями предложений. Данный знак употребляется в сочинении в следующих ситуациях:

- а) *dabqur çeg* отделяет одно предложение от другого,
- б) в тексте используются вводные слова, которые на письме с обеих сторон обозначаются знаком *dabqur çeg*;
- в) данный знак во многих случаях используется при причастных и деепричастных оборотах;
- г) *dabqur çeg* употребляется перед прямой речью,
- д) предикативные единицы сложного предложения даже при наличии непосредственной связи между ними могут отделяться знаком *dabqur çeg*.

В рассматриваемом тексте употребляется *dörbeljin çeg* – «четыре точки». Знаком *dörbeljin çeg*, отделяются друг от друга абзацы и большие периоды. Необходимо отметить, что в сочинении наблюдается четкая последовательность в употреблении этого знака препинания. Так, например, после назидательного изречения писатель обязательно ставит знак *dörbeljin çeg*, только затем он может изложить комментирующий рассказ к этой сужающей, начиная обычно словами *kemegsen inı* ‘вот сказанному’ или *kemegsen-luge udaq-a jokılduqu uliger inı* ‘вот сказанному смыслу подходящий комментарий (улигер)’.

Следует отметить, что в тексте сочинения сочетание знаков *dorbeljin čeg + čeg + dorbeljin čeg* – употребляется весьма редко. В «ЭС» ими отделены большие части и окончание текста.

Анализ текста свидетельствует о том, что при написании субхашит писатель придерживался особых правил пунктуации и делимитации текста. Однако последовательность употребления знака *dorbeljin čeg* не всегда определяет его закономерность. Данный знак в повествовательных рассказах «ЭС» ставится только в самом конце, поэтому рассказы в сочинении в синтаксическом плане представляют собой длинные конструкции, превосходящие по своей структуре сложные предложения. В связи с этим текст отличается нагромождением разного рода оборотов, соединяемых иногда едва уловимой связью в одно сложное синтаксическое целое.

Комментирующие рассказы памятника «ЭС» состоят из множества распространенных частей, которые при соответствующем расщеплении состоят из независимых предикативных единиц, а не из самостоятельных законченных предложений. Завершенность всей конструкции придает финитное сказуемое. В качестве межфразовых скрепов могут выступать падежные формы различных причастий и деепричастий, указательные местоимения и их формы, имена существительные с обобщенным значением в орудном падеже, а также служебные слова – послелог, союзы. В данных конструкциях они могут терять свое обычное значение и приобретать функцию сочинения одного предложения с последующим.

Вторая глава «Изобразительно-выразительные средства и средства поэтического синтаксиса в языке памятника “Эрдэнийн сан субашид”» состоит из двух параграфов.

Параграф 2.1. «Изобразительно-выразительные средства». Произведение располагает богатым арсеналом изобразительно-выразительных средств, в число которых входят метафора, эпитет, сравнение, олицетворение, гиперболы, литота, а также синонимы и антонимы.

Метафора Особое место среди изобразительных средств языка памятника занимает метафора как важнейший способ создания переносных значений слов и словосочетаний. Метафора лежит в основе образности текста. В «ЭС» обнаружены три семантических типа метафор «неживое / живое», «живое / живое», «неживое / неживое».

В сочинении самым экспрессивным средством является тип метафоры, когда животным и птицам приписываются свойства и признаки человека. Также мощным источником метафоры у писателя становится отнесение к неодушевленным предметам некоторых признаков живых существ.

Р Номтоев посредством метафор конкретизирует изображение разных сторон жизни человека, а также явлений и предметов выражая их образными средствами. Метафоры помогли писателю экономно и эффективно реализовать замысел произведения.

Эпитеты Такой вид художественной изобразительности, как эпитеты имеют большое значение в раскрытии смысла, идеи произведения. Наблюдения показывают, что в языке афористических изречений мало ярких, украшающих эпитетов Однако широко используются пояснительные эпитеты. В назидательных изречениях автора эпитеты используются не ради словесных украшений, а для конкретизации идей сужахшит В «ЭС» эпитеты представлены наиболее широко в комментирующих рассказах, в них писатель стремится в красочной форме описать изображаемое явление, охарактеризовать свойства и качества предмета С помощью эпитетов Р. Номтоев воплощает идею произведения, полнее и глубже раскрывает образы персонажей.

Сравнение Особое место в памятнике «ЭС» занимает сравнение, что позволяет с полным правом отнести его к числу основных изобразительных средств Сравнение содержит почти каждый стих, входящий в состав сужахшиты Писатель, образно сопоставляя одно явление через другое, придает описанию изобразительность, более ярко характеризует предметы и явления

Сравнение в «ЭС» выражается посредством оборотов с различными послелогамы *metu* 'как, подобно, словно, точно, как будто', *tuqai* 'относительно', *adali* 'подобный, схожий, одинаковый, аналогичный', *çipegen* 'примерно, около, как'. Кроме того, в качестве сравнения одного явления с другим, в сужахшитах часто используются выражения *ada-İdqabası* 'если сравнить, уподобить, отождествить' и *uİgerlebesu* 'если, к примеру, сказать' Эти формы условного деепричастия в назидательных изречениях памятника во многих случаях не несут в себе условных или временных значений и обозначают лишь связь между высказываниями. Сравнения помогли писателю поэтически воспроизвести действительность и раскрыть идейное содержание произведения.

Олицетворение В основе олицетворения лежит мифологическое мышление, анимистическое восприятие окружающего мира.

Говорящие божественные существа и животные обычны в данном произведении. В сочинении довольно много примеров олицетворения В тексте лесные звери и птицы наделены человеческими качествами Писатель, изображая персонажей из животного мира, образно уподобляет их человеческим существам Главной особенностью олицетворения является то, что посредством использования образов из животного мира и неодушевленных предметов, Р. Номтоев умело выражает обще-

ственные отношения людей Эти образы в изречениях, как правило, заключены во второй части субхашит и служат его концовкой, обобщающей сентенцией

Гипербола и литота Стилистическая функция гиперболы и литоты заключается в том, чтобы заострить внимание читателей на преувеличиваемых или преуменьшаемых признаках явлений, действий, предметов и т.д. В памятнике «ЭС» гипербола широко используется в субхашитах и комментирующих рассказах. Если человек благодетельный, то он как бог, если хитер, то силен. Если небожитель или мифическое существо, то обладает сверхъестественными качествами и фантастическими возможностями: переставляет ноги с одной горы на другую, обращает горы в золото, перелетает через моря и континенты, спускается с небес на облаках, оседлав львов, слонов, обладая волшебными способностями, проливает дождь, извергает молнии.

Гиперболы служат для создания портретной характеристики персонажей. Героини в тексте описываются путем сравнения с золотом, небесной девой и т.д. *altan metu sayıqan çirai-tu* ‘красивая ликом, словно золото’, *ıngrı-ıyn ukın metu you-a cjeskuleng-tu grisva qatun* ‘словно небесная дева, прекрасная ханша Гришва’.

В «ЭС» особенно ярко проявляются сюжетные гиперболы. Сюжеты многих субхашит и комментирующих рассказов построены на художественном преувеличении, т.е. другими словами гиперболизированы. Примеров тому множество. Так, маленькие и остроумные муравьи живьем поедают львенка или крохотный зайчишка губит льва и т.д.

Гипербола подчеркивает величие или ничтожность всего того, что показывается в произведении. Гиперболизации в сочинении подвергаются образы как положительных, так и отрицательных персонажей. В литотах и гиперболах часто используются сравнительные обороты.

Антонимы Одним из стилистических средств языка являются антонимы и составляют неотъемлемую часть памятника «ЭС».

В афористических изречениях всегда два противоположных лагеря – хороший и плохой, отрицательный и положительный. Отсюда и выявляется основная функция антонимов – противопоставление контрастных явлений, предметов, вещей; сопоставление разных людей, их действий, качеств, поступков. Анализируя особенности употребления антонимов, можно выделить семантические и структурные типы антонимов. Разнокоренные антонимы представляют собой семантический тип, а однокоренные – структурный. Языку памятника присущ структурный тип однокоренных антонимов, показателями которых являются аффиксальные морфемы. В сочинении они образуются при помощи отрицательной частицы *ıgeı*, *bosu* и суффиксов совместного и соеди-

нительного падежей -tai//-tei, -luγ-a//-lüge При помощи данных аффиксальных морфем в языке «ЭС» антонимы также могут образовывать разнокоренные синонимические пары. teneg ‘глупец’ – erdem-tei ‘ученый’, ugegu-e ‘неимущий’ – ed-tei ‘состоятельный’ и т.д

В основном антонимы применяются писателем в тех случаях, когда нужно противопоставить друг другу различные явления

Синонимы В «ЭС» достаточно активно в создании образности и выразительности участвуют синонимы Синонимические ряды в сочинении состоят из слов всех основных частей речи Большое количество синонимов в тексте составляют абсолютные синонимы, где они, отличаясь друг от друга звучанием и написанием, используются, полностью совпадая по своему значению Идеографические синонимы реже встречаются в языке памятника и не вступают в стилистически маркированные отношения Синонимы особенно четко проявляются тогда, когда взаимодействуют друг с другом Наиболее ярко проявляют свои оттенки в таких случаях стилистические синонимы.

Р. Номтоев широко использует приемы парного употребления синонимов, что позволяет ему усилить изображаемое явление. uesküleng γou-a – ‘прекрасная, красивая’, enke amγuylang – ‘мир, спокойствие’, bodul ouun – ‘интеллект, разум’, qaγui jam – ‘путь, дорога’, aγta moγin – ‘конь, лошадь’, ebsu nab̄cin – ‘зелень, трава’.

В комментирующих рассказах сочинения наблюдаются синонимы, различающиеся экспрессивно-стилистической окраской. Например, в качестве эпитетов Будды Шакьямуни встречаются перифразы, составляющие следующие фразеологические синонимы burqaп baγši ‘букв Будда-учитель’, daγin-i daγuγsan ‘букв подавивший войну’, ilaju tegüs pöḡsigen ‘букв победивший до полной кончины’, qamγu-i ayiladuγi ‘букв изрекающий все’ К этой группе могут примкнуть сочетания, обозначающие понятие «умирать»: nasu baraqu ‘букв кончить жизнь’, burqaп-dur odqu ‘букв отправляться к богу’, qutuγ olqu ‘букв. найти благополучие’, torul abuqu ‘букв получить перерождение’, ukeku ‘умереть’

Фразеологические обороты в тексте так же синонимичны отдельным словам buγaп-u saduп – монах (букв родственник религии), ama jadaγai – ‘болтун’ (букв рванный рот), jike aldaqu – ‘бояться’ (букв ронять сердце), am̄ tejiyeку – ‘выживать’ (букв сохранять дух), amap abuqu – ‘покаяться’ (букв брать рот), siduban qabiraqu – ‘злиться’ (букв скрежетать зубами).

Именно умелое использование синонимов дало возможность писателю образно выразить мысли и избежать повторных употреблений одного и того же слова.

В параграфе 2.2. рассматриваются «Средства поэтического синтаксиса» в языке памятника «ЭС» Художественной выразительности, краткости и компактности форм назидательных изречений писатель достигает за счет умелого использования стихотворных синтаксических фигур (анафора, эпифора, параллелизм, риторический вопрос, риторическое обращение и т.д.)

Из всех форм внешней звуковой организации бурятских субхашит главной является аллитерация. Для сочинения характерны все варианты повторов звуков и слогов. В афористических изречениях памятника оттенок особой выразительности придает словесный повтор, когда одно и то же слово применяется в начале параллельных строк. Такие повторы помогают писателю вызвать не только эмоционально-выразительное их произношение, но и сильнее передать чувство и подчеркнуть значимость описываемого явления. Для того чтобы заострить внимание читателей на определенной мысли, в четверостишиях писателя широко используется эпифора. Повторяются в конце строк те слова, которые несут основную смысловую нагрузку, вызывают определенную эмоцию и придают изречениям особую благозвучность, мелодичность.

Субхашиты в «ЭС» представляют собой изречения, состоящие из двух параллельных строф, объединенных смысловым и грамматическим параллелизмом. Такой стих легко распадается на два самостоятельных элемента – тезис и подтверждающий его образный пример. В четверостишиях Р. Номтоева противопоставляются или сопоставляются два образа, один из которых может быть образ из человеческой жизни, а рядом с ним из внешнего мира, обычно используются образы животного и растительного миров. Смысловый параллелизм дополняется синтаксическим параллелизмом. Параллельные конструкции в афористических изречениях используются во всем своем многообразии. В четверостишиях данного сочинения встречаются разные типы синтаксического параллелизма.

Качественность речевых звуков, музыкальная благозвучность особенно ярко раскрываются в тех субхашитах, обе части которых имеют не только благозвучные начала – аллитерации, но и благозвучные окончания – рифмы. Образность языка, параллелизм, риторические вопросы, утверждения, анафорические повторы и обращения к читателям вызывают в целом глубоко эмоциональное переживание излагаемых «истин».

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, формулируются общие выводы по работе.

Предпринятое диссертационное исследование свидетельствует о том, что характер языка памятника в своей основе не отошел от системы старописьменного монгольского языка. Вместе с тем имеются существенные отклонения, которые обусловлены языковыми процессами, характерными для разговорной речи бурят.

Анализ текста также показал, что Р. Номтоев использует все доступные ему стилистические ресурсы языка, в том числе антонимы и синонимы, для создания экспрессивности и образности художественной речи. Яркой эмоциональной выразительности, краткости и лаконичности назидательных изречений писатель достигает и за счет умелого использования стихотворных синтаксических фигур. Следует отметить, что не все изречения писателя имеют разнообразную богатую форму, отличаются сложностью и глубокой разработанностью поэтики. Как показывает фактический материал, из 456 суждений Р. Номтоева только 287 воплощены в виде четверостиший, остальные изречения снабжены длинными пояснениями. Писатель при переводе этих суждений старался подробнее пояснить смысл этих наставлений и при этом не стремился к тому, чтобы каждое слово, каждая строка звучали благозвучно.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

1 Атсанавонг, С.Г. Формы множественного числа в языке памятника «Эрдэнийн сан субашид» / С.Г. Атсанавонг // Вестник Бурятского государственного университета. Филология - Улан-Удэ. Изд-во БГУ, 2007 - Вып. 10 - С. 29-35.

2 Атсанавонг, С.Г. Графические и орфографические особенности памятника «Эрдэнийн сан субашид» / С.Г. Атсанавонг // Вестник Читинского государственного университета. Филология - Чита. Изд-во ЧитГУ, 2008 - Вып. 3. - С. 24-30.

3 Атсанавонг, С.Г. «Эрдэнийн сан субашид» в переводе Р. Номтоева: некоторые особенности исследования» / С.Г. Атсанавонг // Восточковедные чтения-2008. материалы междунар. науч. конф. - М.: Институт языкознания СО РАН, 2008 - С. 3-4.

4 Атсанавонг, С.Г. Использование средств поэтического синтаксиса в языке старомонгольского памятника «Эрдэнийн сан субашид» / С.Г. Атсанавонг // Язык и культура стран Центральной и Восточной Азии. материалы II Междунар. науч.-практ. конф. студентов, бакалавров, магистрантов, аспирантов. - Иркутск. Изд-во ИрГТУ, 2009 - С. 14-19.

5. Атсанавонг, С.Г. История изучения средневекового памятника дидактической литературы «Сокровищница мудрых изречений» /

С Г Атсанавонг // Гомбожаб Цыбиков – выдающийся ученый и путешественник: материалы респ. науч-практ. конф. - Улан-Удэ Изд-во БНЦ СО РАН, 2008 - Вып. 1. – С 142-148.

6. Атсанавонг, С Г Некоторые особенности лексики в языке памятника «Эрдэнийн сан субашид» / С.Г. Атсанавонг // Этнокультурное и фольклорное наследие монгольских народов в контексте истории и современности. материалы междунар науч конф, посвящ 100-летию Н Балдано - Улан-Удэ. Изд-во БНЦ СО РАН, 2007 – С 118-120

7 Атсанавонг, С Г «Эрдэнийн сан субашид» как отражение нравственной культуры степных кочевников / С.Г Атсанавонг // Мир кочевой цивилизации история и современность материалы междунар науч конф – Чита Экспресс-издательство, 2007 – С 10-15

8 Атсанавонг, С Г. Особенности употребления глагольных форм в языке памятника «Эрдэнийн сан субашид» / С Г Атсанавонг // Молодая наука Забайкалья -2008 сб тр. - Чита Изд-во ЗабГГПУ, 2008 – С. 133-139

9 Атсанавонг, С Г Категория простого склонения в языке памятника «Эрдэнийн сан субашид» / С.Г. Атсанавонг // Вестник ЗабГГПУ им Н.Г.Чернышевского. Сер 1. Филология - Чита Изд-во ЗабГГПУ, 2008. - Вып 1 - С 13-18

10 Атсанавонг, С Г Особенности обозначения пунктуационных знаков в сочинении Р. Номгоева «Эрдэнийн сан субашид» / С Г Атсанавонг // Филологическое образование и современный мир. материалы междунар науч -практ конф – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2009 – С 11-14

11 Атсанавонг , С.Г Буддийская лексика в языке памятника «Эрдэнийн сан субашид» / С.Г. Атсанавонг // Приграничное сотрудничество. Россия, Китай, Монголия. материалы междунар науч-практ конф – Чита Изд-во ЗабГГПУ, 2007 – С 14-17

12 Атсанавонг, С Г О характере языка и письменности бурят революционного периода / С Г Атсанавонг // Молодая наука Забайкалья -2007. сб. тр. - Чита Изд-во ЗабГГПУ, 2007 –С 221-227

13 Атсанавонг, С Г Использование фразеологизмов в языке памятника «Эрдэнийн сан субашид» / С Г Атсанавонг // Молодая наука Забайкалья -2009. сб тр - Чита Изд-во ЗабГГПУ, 2009 – С 187-194

14 Атсанавонг, С Г Топонимы в языке старомонгольского памятника «Эрдэнийн сан субашид» / С Г Атсанавонг // Филологическое образование в вузе и школе история и современность материалы регион науч -практ конф - Чита. Изд-во ЗабГГПУ, 2009 – С. 17-22

Подписано в печать 31 08 09. Формат 60 x 84 1/16
Усл печ л 1,3 Тираж 100 экз Заказ № 45

Издательство БНЦ СО РАН
670000, г Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6